

Такое не забывается

— Расскажи, расскажи еще, дедушка!

Звонкие детские голоса раздавались вокруг большого дерева, росшего на холме за станом всего в нескольких минутах ходьбы от шатров, куда стариk старался приходить каждый день — поработать, подумать, отдохнуть. Детское общество всегда радовало сердце старого земледельца. И теперь он отложил в сторону только что починенную тяпку — треснула ручка от неудачного попадания по камню, когда он утром обрабатывал новый участок поля, — и, усевшись поудобнее, еле успел подхватить на руки четырехлетнего мальца, своего двенадцатого пра-правнука, — бежавшего во всю прыть послушать дедушкины сказки.

— Осторожнее, добрый молодец, — так будешь на своего прадеда прыгать! — Глаза старика, несмотря на осудительный тон голоса, искрились неподдельным счастьем. Эти моменты в окружении детей стариk не променял бы ни на что на свете.

— Расскажи опять про зверушек, — попросил мальчик постарше, уже взобравшийся на правое колено рассказчика.

— Да я уже вам все рассказал, что помнил...

— А ты вспомни еще новенького!

Для виду наморщив лоб, стариk помедлил несколько мгновений и начал заговошицким голосом:

— А вы знаете, почему у зайца такие большие уши?

— Чтобы слышать, когда к нему подбирается волк! — Посыпались поспешные ответы.

— А я-то думал, для красоты... — улыбнулся стариk. — А сколько живет мышка?

— Столько, сколько хочет кошка! — Со смехом выпалила правнучка постарше, которая тоже подошла вместе с младшими детьми.

— Ну!... Все то вы знаете! — Голос старика вроде даже помолодел. — А вот кто знает почему у змеи нету ног?

На этот раз задумались все, кроме самого младшего, который, не задумываясь, выпалил:

— Он так быстро бежал, что ноги потерял!

Громкий смех старика слился с детским хохотом, таким заразительным, что улыбнулась даже проходящая невдалеке сноха старика, согнувшаяся под ношей тяжелой вязанки дров.

Стариk, отсмеявшись всласть, блаженно вздохнул и заметил:

— Такой маленький, а такой умный, — весь в пра-прадеда пошел! А ведь все так и было...

Он помолчал немного, и продолжил слегка изменившимся голосом:

— У змеи действительно раньше было четыре лапки, как у тех ящериц, которых выловите летом среди камней. А язык каким был, таким и остался, — раздвоенным, острым и злым. Это сейчас змеи молчат, будто язык прикусили, а раньше они говорили, да еще как говорили — заслушаешься! «Скушай плод», — говорил один, — «и станешь как Бог!»

Есть те плоды было нельзя, но змей сказал: «Ешь, не бойся, не умрешь...»

Голос старика дрогнул, глаза теперь не мигая смотрели куда-то вдаль, силясь что-то разглядеть сквозь невесть откуда набежавшие слезы. Маленькая девочка, подошедши поближе, взяла его за руку, чем и вернула в реальный мир.

— Деда, мне пальчик болит! — Она протянула ему сжатый кулачок с оттопыренным розовым мизинцем, на кончике которого явственно проступала черная черточка занозы. Стариk вздрогнул и, шморгнув носом, попытался улыбнуться.

— Давай его сюда! — Нежно обхватив ее кулачок мозолистой ладонью левой руки твердым заскорузлым ногтем большого пальца правой он провел несколько раз вдоль темной полоски, затем в обратном движении осторожно приподнял занозу за высвободившийся кончик другим ногтем и, наконец, извлек небольшую колючку.

— Малину опять собирали?

— Да, мама послала набрать на лекарство для братика...

Стариk вздохнул:

— А раньше колючек не было. И болезней не было. Было всегда тепло, красиво, уютно, спокойно. Было...

Его воспоминания прервал резкий окрик:

— Дети! Не отвлекайте дедушку от работы, а то завтра не будет чем землю копать!

Дети засуетились и по одному начали направляться в сторону стана, каждый к своему шатру.

Стариk закрыл глаза, затем повернулся на звук голоса и взглянул на говорящую женщину. Потемневшие от времени одежды жалко висели на исхудавшем от тяжелого труда теле. Некогда пышные волосы были собраны на затылке поседевшим пучком. Руки, лицо, осанка — изменилось практически все, кроме глаз... О, как отличалась она от той молодой красавицы, которая когда-то стояла посреди того прекрасного сада, под тем запретным деревом, с улыбкой протягивая ему тот роковой плод... Он почти услышал вновь те лживые слова змея, однако звучащие голосом его жены... «Скушай, скушай, скушай...» — отражалось эхом в его голове.

— Скушай похлебки да дочини лопату, а то уже скоро будет смеркаться. — Усталый голос Евы развеял мираж прошлого, и Адам, крякнув, поднялся, опираясь на починенную тяпку, и направился к ней, по-старчески сутулясь. Ева, не дожидаясь его, уже шла в сторону стана, неся в руках корзину диких яблок.

Стариk позвал:

— Ева! — Она замедлила шаг. — Ты еще помнишь... сад... дерево... змея?

Она обернулась, потупив взгляд, затем посмотрела на мужа.

— Помню, Адам, я помню все. Такое не забывается. Я... — она помедлила, затем собравшись с мыслями и проглотив внезапно появившийся в горле комок, через силу улыбнулась. — Ты устал. Поешь и ложись спать.

Адам долго ворочался на своем твердом ложе. Картины из его жизни в Едемском саду всплывали одна за одной: вот он гладит ягненка по кучерявой головке, вот орел садится ему на вытянутую руку, вот они с Евой собирают цветы и разговаривают с Богом в прохладе дня... Но каждое новое радужное воспоминание заставляло его больше и больше хмуриться, пока его лицо не превратилось в старческую гримасу, а тело не начало вздрагивать от все более частых всхлипываний. Стариk плакал, скорчившись на постели возле своей спящей жены, вспоминая потерянный рай и не смея — даже на мгновение — задуматься над тем, что могло бы быть, если бы не...

